

УДК 811.161.1'42:[81'373.2]

**«ЛЕТОПИСЬ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762 – 1823 гг.» ТВЕРСКОГО
КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА В ПАРАДИГМЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

И. М. Ганжина, Т. В. Габлина

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья посвящается комплексному изучению языковых особенностей провинциальной летописи, отражающей события в Твери конца XVIII – начала XIX в. (исследование фонетики, морфологии, палеографии, орфографии, ономастики источника).

Ключевые слова: *летопись, палеографическое описание, графическая система, лингвистическая норма, грамматические формы, лексические данные, морфологические нормы, ономастика, концепт, авторская картина мира*

Среди памятников, отражающих период становления языковых норм, особое место принадлежит летописным материалам. В силу их своеобразия, летописи могут относиться не только к текстам публицистической направленности, но и к оригинальным литературным произведениям. Языковая ценность таких памятников заключается прежде всего в том, что с их помощью можно воссоздать и язык эпохи, и язык личности, и – шире – этноисторическую атмосферу жизни русских людей разной социальной принадлежности.

К числу памятников, позволяющих исследовать различные аспекты истории языка, относится «Летопись о событиях в Твери 1762–1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина, хранящаяся в Государственном архиве Тверской области [4]. В данной рукописи содержатся сведения о различных политических событиях, визитах царствующих особ, духовенства, знати и дипломатов, есть данные о несчастных случаях, пожарах, погодных явлениях, указываются дни рождения и смерти близких людей, цены на продукты питания и многое другое, что, несомненно, является уникальным для исследования как исторической, так и лингвистической составляющей исследуемого периода.

Летопись написана чернилами бурого цвета, филигранные отсутствуют. На обложке начертана надпись: «Сия История Семьи тверской Купецкий / Сынъ Иванъ Дмитриевич/ Сынъ Тюльпина» [4]. В палеографическом отношении текст Летописи отражает многие особенности графики XVIII – XIX вв.: на конце имен существительных и предлогов употребляется -ь, перед гласными и - j пишется -i, среди знаков препинания постоянно встречаются в разных типах предложений точка, запятая и восклицательный знак. Временная ось Летописи охватывает события в пределах шестидесяти лет, причем сам М. Тюльпин начал писать рукопись уже в зрелом возрасте. Летописные события пишутся автором просто, за строчками текста стоит яркая личность, которая фиксирует историю своего рода, не механически излагая факты, но сюжетно связывая их между собой, вплетая в контекст исторические события.

Начальные страницы Летописи посвящены возникновению тюльпинского рода, автор фиксирует дни рождения и дни смерти родственников, а о тех

событиях, которые он не может восстановить в памяти, пишет: «За малолетством не упомяну» [4, л. 13]. Язык Летописи зависит от тех реалий, которые описывает М. Тюльпин; более того, языковая уникальность данного памятника состоит в том, что он отражает процессы языковой динамики, индивидуальный стиль составителя и «язык эпохи как диалектически взаимообусловленные явления» [1, с. 92]. Поскольку в поле зрения М. Тюльпина находятся важнейшие события русской истории и события, касающиеся непосредственно семейных традиций и взаимоотношений, то, естественно, рукопись дает богатейший материал по лексике, которая отражает и авторское восприятие действительности, и разнообразные составляющие лексического поля языка XVIII – XIX вв. Так как стилистическая система русского языка находилась в стадии формирования, языковое сознание ограничивало элементы языка по системе бинарных категорий. В этом плане все языковые единицы образовывали оппозиции по критерию: *высокое* (книжное) – *общеупотребительное* (разговорное). М. Тюльпин в своей Летописи максимально точно воспроизводит такое противопоставление, лингвистически осмысливая значимость описываемых фактов. Однако при явном тяготении к книжным формам, разговорные нормы в языке Летописи составляют единый языковой фон наряду со славянизмами. В лексиконе автора прослеживается стремление «к употреблению книжно-письменной лексики в целом и книжно-славянизмов в частности» [1, с. 95].

Фиксируя те или иные события, М. Тюльпин нередко использует нейтральные языковые средства, что характеризует его как автора, умеющего осмысливать свои духовно-практические знания и переносить их на область текста. Кроме того, к числу регулярно используемых номинантов относятся дериваты с финалями *-ение, -ство, -тель, -ие*, например: *бракосочетание, восшествие, вторжение, имущество, начатие, окончание, смущение, прискорбие, благодетель* и др. В приставочном фонде регулярны префиксы: *пре-, из-, воз-, раз-* и др.

В книжно-письменные формы М. Тюльпин активно внедряет иноязычную лексику, что характеризует его как личность не только образованную, но и умеющую апеллировать к лексическим новообразованиям, возникающим в результате экономических, политических, духовных потребностей общества. К заимствованным словам можно отнести лексемы: *архитектор, коляска, кофе, корпус, турок, фундамент, фейерверк, экипаж* и многие другие.

Морфологические формы также непосредственно оцениваются языковым опытом М. Тюльпина. Например, переосмыслению с точки зрения нормы подвергаются формы а-склонения и о-склонения. Существительные женского рода в Летописи отражают различную степень нормализации. В XVIII – XIX вв. в разных видах деловых бумаг устойчиво употреблялись местные нормы, характеризующие как выучку писца, так и общенациональные процессы, протекающие в период становления языковых норм. В языке М. Тюльпина в группе слов а-склонения практически не встречаются региональные формы, что говорит об отличной языковой интуиции составителя. М. Тюльпин не просто фиксирует волнующие его события, но и отбирает языковые формы для передачи той или иной информации, он транслирует факты через призму своего восприятия языка эпохи. Только в начале Летописи встречается несколько форм местной отнесенности: «в приходѣ ко Владимирской богородицѣ, посередь первой улицѣ» [4, л. 5]. Вряд ли стоит рассматривать подобные словоупотребления как проявления местной нормы в речи носителя. Обе формы отражают безударную позицию, поэтому, возможно, М. Тюльпин, знакомый с нормами церковной

книжности, использовал архаичные окончания мягкого варианта склонения, по которому в эпоху древнерусского языка изменялись все существительные с финалом на *-ц*-. Именно эта норма была сохранена церковниками в качестве нормы религиозной практики.

Определенную неупорядоченность можно видеть у существительного *церковь*. Грамматическое значение родительного, дательного и предложного падежей выражается двумя флексиями – *-и* и *-е*: *отъ церкви, к церкве*. Однако формы на *-и* встречаются у М. Тютлина значительно чаще, чем формы на *-е*, что позволяет высказать предположение, что существительное *церковь* в речевой практике XVIII века имело нестабильную парадигму, в которой пересекались формы *a*- и *i*-склонений.

В аспекте исследования нормативных процессов XVIII века наибольшую перспективу дают имена мужского рода. Так, в XVIII – XIX вв. у существительных данного класса отмечалась регулярная вариантность. Дублетные формы в течение долгих столетий употреблялись в текстах разной принадлежности, и Летопись М. Тютлина не стала исключением, поскольку грамматические формы отразили те явления, которые были живыми в эпоху, описываемую автором оригинального текста. Например, в категории слов мужского рода ядро конкурирующих форм представляют существительные в родительном и предложном падежах. В Летописи окончание *-у* в родительном падеже оформляло слова отвлеченного, вещественного и собирательного значений, например: *для утешения бунтУ, учинена с умыслУ, для проездУ* и др. В данной группе лишь слово *железо* имеет стабильную морфему *-а*. Строгой тенденции к однотипному выражению грамматического значения нет у существительного *год* (ср.: *1763 года, 1788 годУ, съ начала года*). Однако при указании на возраст в Летописи повсеместно используется *a*-флексия. В предложном падеже грамматические нормы соответствуют общерусским реализациям: *у*-морфема характерна для слов со значением места и времени. Употребления типа *въ городУ, на берегУ* соответствовали типовым моделям языка XVIII – XIX вв., позднее такие образования через массовое употребление были либо закреплены нормой, либо выведены на периферию языкового пространства.

При комплексном исследовании языка данного памятника нельзя не учитывать еще один очень значимый пласт – имена собственные.

В конце XX – начале XXI вв. в гуманитарных науках значительное внимание уделяется процессам категоризации и концептуализации мира. На наш взгляд, одной из важнейших форм концептуализации действительности является ономастическое пространство, которое выступает знаковым организатором для перевода информации из внешнего мира во внутренний мир человека, позволяет сформировать ту или иную картину мира (на определенной территории в определенное историческое время). Понятие концептосферы онимов является достаточно новым [5, 7, 8], как нельзя лучше демонстрирующим способность имен собственных отражать результат ментальной деятельности человека.

Летопись содержит богатый ономастический материал, при этом выбор М. Тютлиным имен собственных оказывается не случайным, а отражающим его представления о различных областях ономастического пространства, принципах номинации человека и всего, что окружает автора-летописца. Ономастический материал памятника даёт возможность проследить, как связан человек с окружающим миром, какова его психология восприятия той действительности, в

которой он существует. Мы видим наиболее значимые для жизни объекты, отражающие обобщенную модель действительности того времени.

Безусловно, важнейшим в сознании М. Тюльпина является *топонимический концепт* – особый фрагмент в системе мировосприятия, поскольку он отражает осмысление человеком географического пространства, которое входит в концептуальный образ мира и является одним из параметров его картины мира [3, с. 77]. Средства вербализации топонимического концепта достаточно разнообразны, они связаны с конкретными местами большой и малой родины и представлены разными группами онимов:

- годонимы (названия городов): Тверь, Псков, Рыбинск, Ерославль, Вильна, Ревель, Клин, Волочек, Херсонь, Чернигов, Нижний Новгород, Архангельск и др.;

- ойконимы (названия сел и деревень): Тресвяцкое;

- гидронимы: Волга, Тьмака, Лазурь;

- астионимы (названия улиц): улица Грязная,

- хоронимы (наименования районов города): Колязинское подворье, в Капустниках, в Хрещах, на Зверинцах, Кожевни, городова сторона, Московская застава, Дорогомилловская застава, заволжская часть, затверецкая часть;

- названия мостов: Волжский мост, Владимирской мост и др.

Однако можно однозначно сказать, что важнейшую роль в организации внутригородского пространства играют именно экклезионимы (названия мест культового назначения: церквей, монастырей, приходов и т. п.) – главные экспликативы духовного кода в урбанонимии. Это центральное понятие авторской картины мира: М. Тюльпин воспринимает церковь, православный храм как центральный объект в окружающем его пространстве, всё ориентируется вокруг храма, все дороги ведут к храму. Ср.: церкви у Семена Столпника, у Мироносиц, у Илии пророка, у Козмы Домиана, перешли в Борисоглебский приход, собор Николая Чудотворца, в приходах у Рожества, в приходе Семеновском, простиралась ко Владимирской, здешней церкви Живоносного источника, возле церкви Знамения, дорога к Вознесенью, встреча была у Владимирской, погребен в Желтикове монастыре в церкви Успения Богоматери и т. д. и т. п. Как пишет Е. Н. Смирнова, анализирувавшая репрезентацию в Летописи концепта «земля», «православный храм (собор, церковь, часовня) <...> становится центральным ориентиром, относительно которого организуется пространство в «Летописи...» [6, с. 93].

Достаточно репрезентативной является и вербализация *антропонимического концепта*, средством которой выступают различные виды антропонимов. Данный концепт отражает не только имеющиеся у автора знания о современном ему антропонимиконе, но и систему представлений о традициях именования лиц разных социальных слоёв в определенный период истории. Так, представители царской семьи именуется в соответствии с этикетом того времени, нередко многокомпонентно: *Его Высочество Великий князь Павел Петрович, Ея Величество государыня и императрица Екатерина Алексеевна, Его Императорское Высочество Костянтин Павлович, государыня Екатерина Алексеевна, благоверныя князя Александр Павлович и Костянтин Павлович, всероссийский Государь Император Павел Петрович первой, Ея величество Мария Феодоровна* и т. д.

Горожане названы трех- или двухкомпонентно в зависимости от их положения в обществе, при этом строгое соответствие социальному рангу всегда

отражается в форме отчества – ср.: *Василей Кирилов Коровин, Никита Захаров Прасолов, Алексей Петрович Нечаев, Василей Кузмич Ворошилов, Федор Черепяхин, Онисим Аваев* и т. д. При этом количество компонентов именованного лица может варьироваться (ср.: *Петр Дмитриевич Свитогоров* – выбран... *Свитогоров; Егор Зубчанинов* – выбран ... *Егор Иудин Зубчанинов*).

Служители церкви, как правило, названы одним именем, нередко с указанием должности или прихода, церкви, и лишь иногда с отчеством на -вич: *преосвященный Тихон, Преосвященный Симеон архиепископ из Чернигова, Преосвященный архиепископ Филарет из Ревеня, дьячок Егор, епископ Экопентий, скорбящая богородица церкви священник Петр Алексеевич* и др.

Одним именем в полной, чаще церковной форме, всегда записаны и дети самого М. Тюльпина и членов его семьи: *Иван, Феодор (и Федор), Михайла, Никифор, Матфий, Мария, Илья* и т.д.

Интересно, что в антропонимических единицах, представленных в Летописи, полностью отсутствует эмоционально-характерологический код (только однажды, при очень эмоциональном описании бедствий, вызванных нашествием Наполеона, автор употребил качественную форму личного имени ребенка: *привез с собою ... Мишуху*). Это объясняется, по-видимому, самим жанром текста, требующим объективности и беспристрастности.

Собственные имена Летописи отражают установленный порядок, различные приоритеты восприятия окружающей действительности автором, что влияет на предпочтение в использовании одних онимов перед другими. Из отдельных элементов именованной окружающей автора действительности символической значимостью, как показывает материал, обладают национально-прецедентные имена: *Москва* и *Санкт-Петербург*, а также имена царствующих особ – эти онимы составляют ядро ономастической картины мира автора. Их частотность сама по себе является важным показателем [2] и свидетельствует о том, что они занимали весьма значимое место в сознании автора Летописи.

Таким образом, Летопись – это богатый, уникальный источник лингвистической и культурологической информации, и его комплексное лингвистическое описание позволит раскрыть, с одной стороны, особенности становления русского национального языка, с другой – особенности авторской картины мира определенного исторического периода с её ценностными параметрами.

Список литературы

1. Бондарчук Н. С., Кузнецова Р. Д. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII – XIX веков // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах: коллективная монография. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1995. С. 91–119.
2. Голев Н. Д. О формах концептуализации имен собственных и способах её измерения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. II Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 85–87.
3. Климова Л. А. Региональная топонимия в концептуальном аспекте: пространство // Филологические науки. 2006. № 6. С. 77–86.
4. Летопись о событиях в Твери 1762–1823 гг. тверского купца Михаила Тюльпина // Государственный архив Тверской области. Ф. 1409. Рук. 1135. Оп. VIII. 52 л.
5. Прманова Н. А. Концепт как единица ономастического знания // Ономастика Поволжья: мат. XII Междунар. науч. конф. Казань: Отечество, 2010. С. 75–78.

6. Смирнова Е. Н. Особенности репрезентации концепта «земля» в «Летописи о событиях в Твери 1762 – 1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина // Проблемы региональной лингвистики: мат. Междунар. науч. конф. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2013. С. 92–96.
7. Федотова Т. В. Концептуальные основы формирования топонимов // Ономастика Поволжья: мат. XIII Междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 141–144.
8. Щербак А. С. Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы топонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4. С. 246– 251.

**"CHRONICLE OF EVENTS IN THE CITY OF TVER BY MERCHANT
M. TYULPIN (1762 - 1823)" IN THE PARADIGM OF LINGUISTIC
RESEARCH**

I.M. Ganzhina, T. V.Gablina

Tver State University
The department of Russian language

The article is dedicated to the complex study of the language features of the provincial Chronicles, reflecting events in the city of Tver in the XVIII – XIX centuries (the study of phonetics, morphology, paleography, spelling, onomastics source).

Key words: *chronicle, paleographic description, graphic system, linguistic norm, grammatical forms, accident norm, lexical facts, onomastics, concept, author's picture of the world*

Об авторах:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru

ГАБЛИНА Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: tgablina@yandex.ru